

ОТЕЧЕСТВО ВЪ
ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 60 К., И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 70 К.

3064
1917N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 39

ОКТАБРЬ. 1917

РАЗОБЛАЧЕНІЕ.

Рис. В. Лебедева.



КАКЪ ОНИ ЭТО ПОНИМАЮТЪ.

... Вольшевики, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, разоблачаютъ 'контръ' революціонеровъ.

Рис. В. Лебедева.



ОНЪ РАЗВОДИТЬ РУКАМИ...

Николай II: — Совершенно я не понимаю моего народа: теперь онъ самъ себѣ устроилъ и сыскъ, и охранку и цензуру, и погромы, и аграрные беспорядки — то есть, все то, что было и при мнѣ... Зачѣмъ же было гнать меня съ престола?

ПОСТОЛКУ-ПОСКОЛКУ.

(Въ модномъ стилѣ.)

Постолку, поскольку сіяла луна,
 Былъ сумракъ лучами пронизанъ,
 А синій Меркурій мерцалъ у окна
 Постолку, поскольку плыль внизъ онъ...
 Въ шикарній квартирѣ двѣнадцатый годъ
 Жилъ Павелъ Степанычъ Крапива,
 Постолку, поскольку онъ — старый уродъ,
 Жена молода и красива.
 Онъ жилъ съ ней покойно, не зная тревогъ,
 Хоть разнились очень ихъ годы;
 Былъ счастливъ постолку, поскольку берегъ
 Свой сонъ, аппетитъ и доходы...
 Въ ту ночь, что дышала покоемъ и сномъ,
 Постолку, поскольку хотѣла, —
 Кузень пробирался къ женѣ его въ домъ
 Тихонько, но все-таки смѣло.
 Въ тотъ часъ, точно буйволъ, уснувшій въ лѣсу,
 Почтеннѣйшій Павелъ Степанычъ
 Храпѣлъ ужъ постолку, поскольку въ носу
 Набралось музыки на ночь.
 Не слышалъ онъ вкрадчивыхъ, легкихъ шаговъ,
 Не зналъ про преступную прихоть,
 Затѣмъ, что постолку не видѣлъ роговъ,
 Поскольку любилъ онъ «подрыхать».
 Кузень боязливо въ окно постучалъ,
 Кузина пришла осторожно —
 И онъ ее тотчасъ въ объятіяхъ сжалъ
 Постолку, поскольку возможно.
 Венерой назвалъ онъ кузину разъ пять,
 Цѣлуя постолку, поскольку
 Ихъ губы успѣли въ той сценѣ сыграть
 Свою благодарную рольку!..

Увлечшись любовью, какъ банкомъ буржуй,
 Они не замѣтили драмы:
 Постолку, поскольку гремѣлъ поцѣлуй,
 Проснулся отъ шума мужъ дамы...
 Финалъ былъ баналенъ. Непрошенный гость
 Бѣжалъ, и любовь его тухла.
 Постолку, поскольку крѣпка была трость,
 Спина у влюбленнаго вспухла.
 А дама, хотя поблѣднѣла, какъ трупъ,
 Сейчасъ опровергла измѣну
 И мужу, постолку, поскольку онъ глупъ,
 Устроила бурную сцену...

Доль.

ЧЕХОВСКІЕ МОТИВЫ.

Толстый и тонкій.

Они учились въ одной гимназіи и въ одномъ классѣ.
 Толстый всегда грызъ на переменахъ большое яблоко,
 а тонкій долго болѣлъ золотухой и опаздывалъ на уроки.
 Толстый списывалъ у тонкаго диктовки и по четвергамъ
 билъ его пеналомъ. А тонкій читалъ Майнъ-Рида и часто
 плакалъ надъ страшною смертію Чимоборакко Собачьяго
 Котя. И личико у него при этомъ становилось сморщенное
 и жалкое, какъ у старой обезьянки.
 Въ пятномъ классѣ толстый уже тискалъ по темнымъ уг-
 ламъ директорскую горничную. Лобъ у него украсился бутон-
 нами, а голосъ напоминалъ простуженный автомобильный гу-
 докъ.
 Тонкій въ это время удивлялся, почему онъ ничего не
 понимаетъ въ Боклѣ.
 Впрочемъ, съ седьмого класса у него появилось классовое
 самосознаніе. Оно развилось очень быстро и солидно.
 И скоро привлекло своими размѣрами вниманіе заинтересо-
 ванныхъ людей.

Тонкій раньше толстаго окончилъ гимназію. Толстый
 не спѣшилъ, — куда спѣшить?

Въ университетѣ у тонкаго къ классовому самосознанію
 прибавился туберкулезъ. Но тонкій былъ уменъ: онъ при-
 мѣнялъ восьмичасовой рабочій день. Восемь для труда, вос-
 семь для классового самосознанія и восемь для туберкулеза.

Толстый тогда уже пристроился по неокладнымъ сборамъ.
 Носилъ галстукъ съ горошкомъ, выписывалъ «Родину» и хо-
 дилъ къ протопопу пить чай съ вареньемъ.

Въ одну и ту же недѣлю произошли важныя событія въ
 жизни толстаго и тонкаго.

Тонкій уѣхалъ въ Нарымъ для поправленія здоровья. А
 толстый, напротивъ того, женился на дочери протопопы.

Онъ завѣдывалъ подписнымъ листомъ къ юбилею столо-
 начальника и не любилъ напоминаній о томъ, какъ онъ въ
 гимназіи сидѣлъ на одной скамейкѣ съ отбросомъ человѣче-
 ства.

... А потомъ случилось то, изъ-за чего тонкій пріѣхалъ
 изъ Сибири.

Надъ вокзаломъ рѣяли красныя флаги, оркестръ 12-го за-
 паснаго телеграфнаго батальона игралъ Марсельезу, а всѣ го-
 родскія власти стояли на перронѣ красивой смирной шерен-
 гой.

Когда подошелъ поѣздъ, изъ рядовъ выступилъ толстый
 и поправилъ манишку.

Тонкій вышелъ изъ вагона со сверкающими глазами. На
 щекахъ у него горѣли два алыхъ пятна.

Но все-таки, большой красный бантъ на груди у толстаго
 былъ ярче. И, откашлявшись, толстый началъ:

— Позволь, горячо любимый товарищъ, привѣтствовать
 тебя съ возвращеніемъ въ родной городъ, гдѣ еще въ дѣт-
 ствѣ мы съ тобой стремились къ свѣтлему торжеству сво-
 боды!..

Тонкаго не стошнило. Ни капельки. Онъ пожалъ руку
 и поцѣловался съ толстымъ. Онъ стоялъ за блокъ съ цен-
 зовыми элементами.

Мих. Ефимовичъ.

МОДНОЕ СЛОВО.

— Гдѣ ваши дѣтки?

— Самоопредѣлились. Сынь — въ тюрьму, дочка на
 содержаніе...

„СПУТНИКЪ ГРАЖДАНИНА“.

Въ связи съ величественнымъ, исполненнымъ чисто богатырской мощи и древне-славянской удали ультиматумомъ Центрофлота явилась срочная потребность создать руководство для составления ультиматумовъ, потребное въ практической жизни свободнаго народа. «Новый Сатириконъ», не щадя по обыкновению затратъ и не останавливаясь передъ самыми сложными политическими задачами, и на этотъ разъ пожелалъ придти на помощь русскому гражданину.

Получивъ столь ответственное порученіе, пишущій эти строки немедленно созвалъ совѣщаніе изъ представителей различныхъ политическихъ партій, профессиональныхъ союзовъ и корпорацій, при чемъ не были забыты ни акушерки, ни фармацевты, ни шуваловская лига революціоннаго гребнаго спорта, ни алжирскій союзъ толкователей корана. Результатомъ работъ этой коммисіи явился настоящій проектъ, представленный на утвержденіе Временному Правительству и содержащій образцы ультиматумовъ. По наведеннымъ справкамъ нашъ проектъ встрѣтилъ сочувствіе въ правительственныхъ сферахъ и въ ближайшемъ будущемъ будетъ официально опубликованъ. Въ интересахъ читателей мы сообщаемъ его въ коммисіонной редакціи, ранѣе опубликованія въ «Вѣстникъ Временнаго Правительства».

Образцы ультиматумовъ.

1. Военно-полевой.

«Мы, блондины четвертой роты стрѣлковаго полка особой арміи, протестуя противъ ножа въ спину революціонной демократіи, немедленно требуемъ выдачи намъ дивана, кожанаго, держаннаго, пробитаго, — помѣщающагося въ штабъ особой арміи, а также и двухъ причитающихся къ этому дивану клеенчатыхъ табуретовъ и одной гитары подполковника Семѣнова, съ комплектомъ нотъ. Въ случаѣ неудовлетворенія нашихъ требованій въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, мы отказываемся отъ всякихъ сношеній съ штабомъ особой арміи и оставляемъ за собой полную свободу дѣйствій, въ полномъ соблюденіи третьей Гаагской конвенціи «объ открытіи военныхъ дѣйствій». Обращеніе къ гаагской палатѣ третейскаго суда заранѣе считаемъ неумѣстнымъ. По отношенію къ дивану и гитарѣ накладываемъ секвестръ. Съ совершеннымъ почтеніемъ

Предсѣдатель ротнаго комитета — подпись.

Секретарь — подпись.

2. Военно-тыловой.

Мы, знаменитые ударники 3-й маршевой роты, желая умереть за отчизну и проклиная Вильгельма, Гинденбурга и Макензена со всѣми ихъ подробностями, ставимъ категорическій императивъ: въ двадцать четыре часа установить такъ

Рис. В. Л.



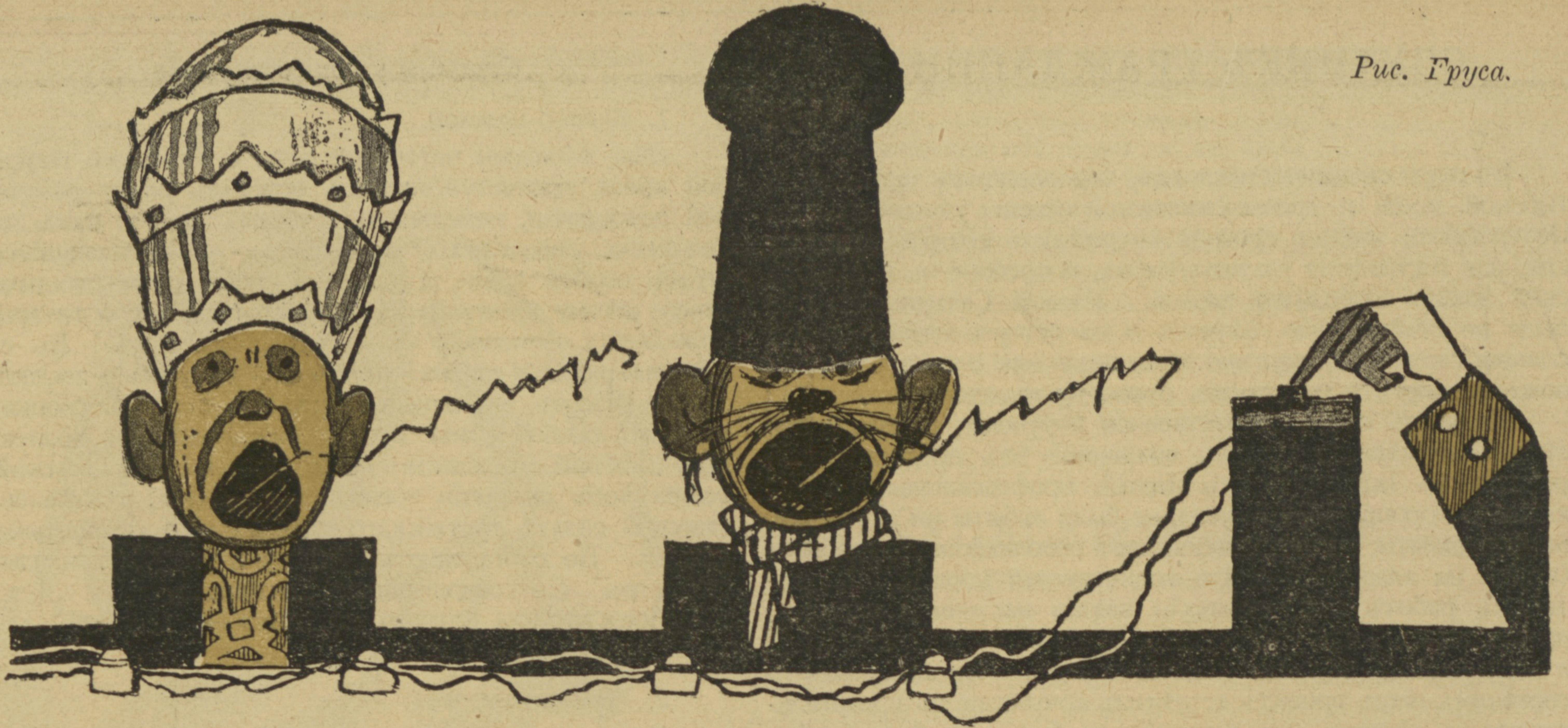
ОНИ НАСЪ ОХРАНЯЮТЪ.

Горничн.: — Баринъ, тамъ милиціонеръ пришелъ!..

Мужъ: — Чего жъ ты его въ передней держишь?! Приси въ гостиную!

Жена: — Въ гостиную? Простого милиціонера? Ну, Жоржъ, ты слишкомъ ужъ демократичень!

Мужъ: — Дѣло не въ этомъ: Въ передней пальто висятъ.



Рты — римские...

И — русские...

Но кнопка — берлинская.

су на галоши и табакъ, а также обязать куплетиста Грицко, базирующагося въ театрѣ «Кино-Слонъ», воздержаться отъ контръ-революціонныхъ выступленій, выражающихся въ недостойныхъ куплетахъ по адресу мѣстнаго городского головы, фейерверкера запасной артиллерійской бригады Ивана Сомова. Если наше требованіе не будетъ удовлетворено, объявляемъ Почтовую улицу и прилегающій къ ней городской скверъ автономной областью. Требуемъ исполненія нашего постановленія. Всѣмъ. Всѣмъ. Всѣмъ.

Предсѣдатель группы ударниковъ — подпись.

Секретарь — подпись.

3. Учебный.

Мы, революціонные ученики 5-го класса параллельнаго отдѣленія мужской, имени купца Сизова, гимназіи, требуемъ немедленнаго устрѣненія преподавателя математики Петровскаго, а также выдачи конфискованныхъ имъ у нашего товарища Лумзика серіи парижскихъ открытокъ. Если въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, означенныя открытки не будутъ переданы предсѣдателю нашего класснаго комитета, мы начнемъ дѣйствовать. Помните, что никакія каменные стѣны не могутъ устоять передъ огнемъ двѣнадцатидюймовыхъ мортиръ. Страшитесь нашего гнѣва. Предупреждаемъ, что обращеніе къ родителямъ нами заранѣе отвергнуто.

Исполнительный комитетъ гимназическаго союза «Черная рука».

4. Дружескій.

Основываясь на послѣднемъ обращеніи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ «къ народамъ всего міра», — настоятельно требую возврата выданныхъ вамъ сѣрыхъ брюкъ и пикейнаго жилета. Въ случаѣ невыполненія моихъ требованій, подымаю красный боевой флагъ и начну мордобитіе. Вашъ бывшій товарищъ и бывшій другъ Петя.

5. Каскадный.

Пупочка! Гнусный царизмъ палъ, и немедленно требую отъ васъ уплаты тѣхъ пятидесяти рублей, которые были мнѣ обѣщаны наканунѣ вечеромъ въ «Грандъ-Альказаръ» (каб. № 8), — такъ какъ предоставленныя вамъ услуги я никакъ не могу разсматривать, какъ бесплатныя. Крімъ того, я имѣла большія непріятности. Со-благоволите прислать деньги за (двѣ строчки зачеркнуты), — иначе харю изувѣчу. Съ совершеннымъ почтеніемъ Марія Мѣднякова (она же Ла-Бель-Франциска). Номера «Цислейтанія», комната 15, ходъ черезъ шляпочницу.

6. Экономическій.

Мы, рабочіе завода «Новый Перунъ», идя въ авангардѣ революціоннаго пролетаріата, считаемъ, что обѣщанныя правленіемъ завода прибавки должны быть исчислены съ начала освободительнаго движенія, т. е. съ 14 июля 1789 года, когда наши товарищи взяли Бастилію и сдѣлали брешь въ черепъ гнуснаго царизма. Причитающуюся за 128 лѣтъ сумму въ количествѣ трехъ миллиардовъ требуемъ выдать завтра, не позже двѣнадцати часовъ

дня, нашему уполномоченному Сидору Пенькову. Вставай, проклятемъ заклеянный и пр. Тачекъ у насъ много.

Комитетъ.

7. Уголовный.

Мы, бывшіе уголовные, признавая, что демократическій республиканскій строй гарантируетъ всѣмъ начала равенства и свободы, требуемъ отъ милиціи Слободскаго района уваженія къ труду и человѣческой личности. Если же комиссаръ еще разъ залѣзетъ въ чайную «Севастопольское лонно», то мы ему пустимъ юшку и дадимъ очко. Также пусть вернетъ отобранное пальто, потому это частная собственность.

Слободская группа криминалистовъ.

8. Политическій.

Представители астраханской музыкальной команды настоятельно указываютъ Александру Федоровичу Керенскому на необходимость немедленнаго опубликованія тайныхъ договоровъ. Въ случаѣ отказа не можемъ гарантировать спокойствіе въ командѣ. Да здравствуетъ третій интернаціональ! Привѣтъ Церетели и Марксу.

Предсѣдатель — Семень Мертваго.

...Вышеприведенные образцы ультиматумовъ даютъ возможность каждому читателю примѣнять ихъ въ потребностяхъ практической жизни, что, конечно, въ значительной степени облегчитъ заботы отдѣльнаго гражданина.

Послѣ прочтенія распространяйте и расклеивайте!

Бор. Мирскій.

КАКАЯ ЕСТЬ.

Я не хочу, чтобъ солнце краснымъ называлось,
Я разлюбила красное вино;

Ты сдѣлалъ, мартъ, общедоступной алость,

Общедоступное любить мнѣ не дано.

Мой духъ усталъ. Мнѣ хочется покоя,

Каминна, кофе, старыхъ книгъ,

Мнѣ хочется стать прежнею, такою,

Какой февраль меня застигъ.

Мнѣ хочется любить березовыя почки,

Смолу сосны и моря влажный шумъ,

Писать свои изломанныя строчки

И знать, что въ головѣ моей — мой, а не общій умъ.

Мой духъ усталъ отъ грома барабановъ,

Мнѣ пѣть о буряхъ не дано,

И, если пѣть о нихъ теперь заведено, —

Я пѣть надолго перестану.

Лидія Лѣсная.





Нѣмецкій офицеръ: — Солдаты! Неужели мы сложимъ оружіе теперь, когда врагъ занялъ наши укрѣпленія?

Русскій офицеръ: — Солдаты, неужели мы сложимъ оружіе въ тотъ моментъ, когда нами взяты сильнѣйшія укрѣпленія врага?



Русскій офицеръ: (Послѣ [новаго боя.] — Солдаты! Неужели мы кончимъ войну теперь, когда врагъ только что отнялъ у насъ наши укрѣпленія?)

Нѣмецкій офицеръ: — Солдаты! Неужели же, мы остановимся теперь, когда мы только что отняли у врага... (См. второй рис. и т. д.)

НЕДЕРЖАНИЕ СЛОВА.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Кто сейчасъ самый мужественный человѣкъ?

Вотъ:

— Чхеидзе.

Это онъ, а никто другой, — это онъ первый сказалъ замѣчательное по силѣ, правдѣ и убѣдительности предисловіе къ своей рѣчи...

Именно: когда состоялось первое собраніе Правительства по вопросу объ организаціи коалиціи и предсѣдатель предложилъ ему высказаться, то этотъ самый Чхеидзе всталъ и заявилъ:

— Меня уже тошнитъ отъ этихъ безконечныхъ рѣчей и разговоровъ, и я беру слово только въ силу крайней необходимости. А иначе не могу ни говорить, ни слушать, — тошнитъ!

Это былъ рѣдкій случай, рѣдкая форма морской болѣзни на сушѣ, когда подъ ногами не зыбая палуба корабля, а паркетный полъ Зимняго дворца, — и все-таки тошнило человѣка.

Лучшіе врачи Россіи (къ нимъ я, конечно, причисляю и себя) опредѣляютъ эту удивительную болѣзнь такъ:

— Какъ морская «морская болѣзнь» моментально возникаетъ и прекращается въ зависимости отъ возникновенія и прекращенія качки на морѣ, такъ и сухопутная «морская болѣзнь» возникаетъ и прекращается въ зависимости отъ начала и конца разнаго рода рѣчей, словопреній, голосованій и резолюцій.

До сихъ поръ никто не могъ, кромѣ Чхеидзе, поставить діагнозъ этой болѣзни:

— Тошнитъ меня и тошнитъ. А почему тошнитъ, — чортъ его знаетъ! Съѣлъ чего-нибудь нехорошаго.

И только Чхеидзе первый догадался:

— Батюшки! Да вѣдь это меня отъ рѣчей тошнитъ!

Васъ ли одного, милый Николай Степанычъ!? Всю Россію вотъ уже который мѣсяцъ тошнитъ.

И ужъ если вы, — старый сухопутный волкъ революціи — не выдержали, то каково же намъ, простымъ рабочимъ людямъ?

Тошнитъ...

Рис. К. Богуславской.



НѢЖНЫЕ НЕРВЫ.

— Какъ это значитъ, матушка, пришли воры, такъ я высунулась изъ окна и давай кричать... А баринъ на меня!

— Да за что?

— Тише, говорить, ты, дура — еще милицію испугаешь...

Не знаю, — можетъ быть, я очень изнервничался, — но при видѣ человѣка, поднимающагося со своего мѣста и поднимающаго руку со словами: «Товарищи, прошу слова» — меня такъ и подмываетъ крикнуть:

— Слова онъ проситъ? Дайте ему лучше по шеѣ.

Всякій паршивецъ, всякая мразь, всякій пошлякъ и дуракъ сейчасъ проситъ слова, а собраніе вмѣсто того, чтобы ясно и четко отвѣтить: «пошли вонъ, дураки!» начинаетъ орать восторженно и пылко:

— Говорите, товарищ! Дайте слово товарищу.

Выходитъ этакое окровавленное на трибуну и начинаетъ вязко и клейко, спотыкаясь, какъ полуиздыхающій мулъ, на каждомъ шагу тянуть многосверстную кишку, на протяжении которой, какъ сѣрые телеграфные столбы на скучной проѣзжей дорогѣ, мелькаютъ все одни и тѣ же десять тошнотворныхъ набившихъ оскомину словъ:

— Организация, резолюція, самоопредѣленіе, классовыя задачи, демократическій пролетаріатъ, пролетарская демократія, живыя силы страны, капиталистическая буржуазія...

Смотришь на него и думаешь:

— Лучше бы ты, паршивецъ, за это время, что мычишь тутъ, лучше бы ты взялъ вѣдло да подмелъ бы свою улицу или притачалъ бы каблукъ къ сапогу.

Вотъ ужъ это будутъ такія цѣнности, которыхъ никто въ мѣръ не отниметъ!

А «диктатура пролетаріата» и «классовая борьба» это такая вещь, что появившись завтра околоточный да схвати тебя за шиворотъ, такъ вѣдь ты первый жѣ расхнычешься:

— Отпустите, дяденька, не буду.

Не дай Богъ, если вернется самодержавіе, но если оно вернется, то знаете, какой актъ раньше всего будетъ обнаруженъ?

«Вслѣдствіе возобновленія настойчивыхъ и усиленныхъ вѣрнопопданническихъ просьбъ Нахамкеса о перемѣнѣ ему фамиліи на «Стекловъ», означенная фамилія ему Высочайше даруется»...

Вотъ-те и диктатура пролетаріата.

* * *

Однако, я замѣчаю, что эпидемія Чхеидзевской морской болѣзни все ширится и растетъ, проникаетъ въ самую глубь, и недалеко то время, когда мы услышимъ такой разговоръ:

— Какое безобразіе на этомъ тротуарѣ! Пьяныхъ здѣсь вытряхивали, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваша милость. Митингъ тутъ былъ, ораторъ говорилъ... Ну, публика и тово... Не выдержала. Стошнило.

Собраніе въ эти недалекія времена будетъ протекать такъ:

Предсѣдатель: — Объявляю собраніе открытымъ. Слово по записи предоставляется товарищу Смердякову.

Смердяковъ: — Товарищи! Классовое самосознаніе пролетаріата въ борьбѣ за демократич...

Собрание (всѣ, всѣ, всѣ): — Вонъ его! Пошелъ вонъ съ трибуны! Онъ разговариваетъ!

Смердяковъ: — Отъ имени передовыхъ отрядовъ революціонной демократіи и въ соответствии съ кинтальскими тезисами...

Одинъ изъ членовъ собранія (приподнимается съ мѣста и молча стрѣляетъ въ оратора).

Смердяковъ: — Однимъ словомъ, я кончилъ! (Вихремъ уносится съ трибуны.)

Предсѣдатель: — Слово предоставляется Сидорову.

Голосъ съ мѣстъ: — Помолчали бы вы лучше! Тошно слушать васъ. Неужели, нельзя короче?!

Предсѣдатель: — (Сконфуженно) Мож. Сло. предста. Сидо.

Сидоровъ: — Въ горо. го. Нуж. подѣе. хлѣ.

Нѣкто (къ сосѣду): — Я его не понимаю. Что онъ говоритъ?

Сосѣдъ: — Не будьте идиотомъ. Онъ ясно гово, что въ городѣ голодь, и нужно экстренно подвести хлѣбъ.

Нѣкто: — Да вѣдь слово «экстренно... онъ не гово.

Сосѣдъ: — И такъ поня... Если бы не экстре... онъ бы и вообще не гово... Отста.

Нѣкто: — Что это значитъ: отста?

Сосѣдъ: — Отстаньте, или я хлопну васъ чернильницей по башкѣ. Тошно отъ разгово!..

Предсѣдатель: — Поступило предложе... о посылѣ... делега... на Стокго конфер отъ имени револю демокра. Прошу выска.

Одинъ изъ членовъ совѣщанія (встаетъ): — Прошу сло...

Предсѣдатель: — Сло предоста това Григорь.

Григорьевъ (всходитъ на трибуну, качаетъ отрицательно головой, потомъ сходить.)

Всѣ (хладнокровно, съ мѣстъ): — Бурнаплодъ.

Новичекъ: — Что это они всѣ говорятъ: бурнаплодъ. Что это за слово?

Сосѣдъ: — Отвяжи!.. Это значъ «бурные аплодисменты». Теперь не аплодир., а просто гово: «Бурнаплодъ».

Сидоровъ: — По вопро о посы делега про сло!

Предсѣдатель: — Предоста.

Сидоровъ (всходитъ на трибуну, дѣлаетъ такую примасу, будто раскусилъ гнилой орѣхъ, плюетъ и сходить съ трибуну.)

Всѣ: — Бурнаплодъ! Бурнаплодъ!

Предсѣдатель: — Объяв засѣ закры.

Голось: — М-м-м! (мычить что-то).

Предсѣдатель: — Въ чемъ дѣ?

Голось: — М-м! Когда слѣду засѣ?

Предсѣдатель: — Воскре, деся ча вече.

Всѣ: — Мм-м. До воскре!

* * *

Если вести засѣданіе такимъ образомъ, то оно отнимаетъ времени не болѣе 15—20 минутъ.

* * *

Я противъ самосудовъ, конечно.

И одобряю самосудъ надъ человѣкомъ только въ томъ случаѣ, когда онъ долго говорить.

Тутъ ужъ разрѣшаю вамъ, читатели, бить чѣмъ ни попада.

А будутъ всѣ гово — Росс погиб.

Аркадій Аверченко.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Кто о чемъ, а „Синій Журналъ“ о рогатыхъ африканцахъ:

Рогатый африканецъ.

Передъ нами — молодой человекъ житель западной Африки, обладатель пары крепкихъ роговъ, которымъ позавидовалъ бы любой буйволъ.

Съ десяти лѣтъ у него начали расти рога, которые родные долгое время принимали за шишки или опухоль, но уже къ 12 годамъ ясно опредѣлился характеръ этой „опухоли“, и когда юношѣ минуло 15 лѣтъ, онъ былъ уже обладателемъ пары крепкихъ роговъ.

Ой, врешь, дивчина, — можемъ мы замѣтить „Синему Журналу“. — Подвернулась тебѣ фотография африканца, украшеннаго по военному обычаю бычьими рогами — и вотъ уже примазалъ ты сюда и шишки, и опухоль на головѣ, и прочее.

У редактора „Синяго Журнала“ тоже есть шишка на головѣ. Но отсюда до роговъ далеко.

У френологовъ эта шишка носить характерное названіе: шашка вранья.

ПСИХОЛОГІЯ ТВОРЧЕСТВА.

II.

Жьчто обь авторскихъ перевоплощеніяхъ.

Быль добрый духъ приставленъ къ поэту,
Дабы поведенье его блости.

Поэтъ уважалъ чужую монету,

Поэтъ ни разу не ночевалъ въ части.

Много прекраснаго людямъ вырекъ

Въ ясныхъ книгахъ мудрый поэтъ;

Чистѣйшей воды прозрачный лирикъ,

Поэтъ излучалъ изъ темени свѣтъ.

Доброму духу жилось чудесно.

Полнѣлъ на покоѣ — никакихъ заботъ.

Рис. Б. Антоновскаго.



ОТСТАЛОСТЬ.

— Скажите, пожалуйста, что это за часть войскъ такая?

— Дикая дивизія.

— А почему она называется дикой?

— Помилуйте! за все время революціи ни одной резолюціи не вынесла, ни одного офицера не укукошила.

Лирикъ — такъ лирикъ. Оно извѣстно.

Все то же самое изъ года въ годъ.

Все тотъ же и тѣхъ же букетъ комбинацій:

Печаль и вечеръ, любовь и закатъ,

Тоска жасминовъ, радость акацій,

А въ сердцѣ никѣмъ не открытый кладъ.

Съ виноградной кистью примитивное пьянство,

Пара рыданій на сельскій погостъ.

Все красиво, никакого хамства,

Ровный, пріятный, выше средняго ростъ.

И вотъ, однажды, нежданно выросъ,

И сталъ драматургомъ тихій поэтъ.

Вступилъ на шумный, многожизненный клиросъ

Къ возрасту пятидесяти шести лѣтъ.

Сталъ великія изображать страсти:

Любовь съ кинжаломъ, ревность и ядъ,

Гипнозъ незнакомой роковой власти,

А въ лѣнствѣ коньякъ, а не натюрель-виноградъ.

Тайны перевоплощенья постигъ пита,

Созрѣлъ, какъ орѣхъ кокосовый, онъ,

Теперь отъ него ничто не скрыто,

Онъ самъ Раскольниковъ, самъ Гарпагонъ.

Сегодня злодѣемъ идетъ къ злодѣямъ,

А завтра мессы творить въ тиши.

О лирикахъ думаетъ: куда имъ, гдѣ имъ

Постигнуть ширь объективной души.

Хочу — и вотъ я Иванъ Ивановичъ,

Хочу — и вотъ негритянской князь.

Пророкъ я и дѣвка — возьмите на ночь,

Со всѣми и съ каждымъ вступаю въ связь.

Сегодня чужую не уважаю монету,

Завтра долженъ сидѣть бы въ части.

А добрый духъ былъ приставленъ къ поэту,

Дабы поведенье его блости.

Перевоплощеніями разными сбитый съ толку

Добрый геній безъ дальнихъ словъ

Какъ-то собрался себѣ зтихомолку,

Взмахнулъ крылами и былъ таковъ!..

Валентинъ Горянскій.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Рис. Б. Антоновскаго



Съ Россіей въ первые дни революціи финнъ разговари-
валъ вотъ такъ...

Потомъ повель себя такъ.



Но если сдѣлать ему такъ...

То онъ согнетъ спину вотъ такъ.



ГОРАЗДЪ-РАЗСУДИТЕЛЬНАЯ ДАМА.

— Увы, мнѣ! Онъ пишетъ, что если я не отвѣчу ему взаимностью, то однимъ человѣкомъ будетъ на свѣтѣ меньше. Но боюсь, что, ежели отвѣчу ему взаимностью, не было бы на свѣтѣ однимъ человѣкомъ больше!..

РАЗГРУЗКА ДУШИ.

Прошу читателей, друзей и знакомцев
Поздравить чудака съ разгрузкою души.
За двѣсти сличшимъ дней впервые вижу солнце;
Я мебель распродалъ за жалкіе проши.

Купилъ маклакъ на-дняхъ истасканную музу,
Дѣвчонка жалобно визжала на дворѣ —
Хотѣла жить со мной, но скотъ, одѣтый въ блузу,
Забралъ еѣ въ слезахъ на утренней зарѣ.

Нашлись охотники — безсонницу купили —
Два вора-взломщика набили цѣну вмигъ...
Любовь послѣднюю съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ лилій,
Раскланявшись, увелъ надушенный старикъ.

Надежды февраля я въ розницу фантастамъ
Спустилъ безжалостно за двадцать пять минутъ.
Съ лихими гривами людей очковыхъ каста
Моимъ заморышамъ спѣшила дать пріютъ.

Вручилъ тагарину я мечъ «святого гнѣва»,
Заржавленный въ конецъ, померкшій и тупой.
И совѣсть, дряблая старѣющая дѣва,
На рынокъ поплелась съ угрюмою клюкой...

Теперь они ушли, я заперъ дверь за сворой
Жестокихъ торгашей... моя душа — пуста.
И сердце шалое забило скоронскоро
Все то же глупое, смѣшное тра-та-та...

Готовъ къ разгрузкѣ я, чту указанья свыше —
Законникъ ревностный, какъ древній царь Ликургъ...
Прощайте, сумерки, мосты, сырыя крыши,
Прощай, мой зябнувшій, мой милый Петербургъ...

Подмышкой чемоданъ. Изъ омота на сушу...
Ступай, отверженный, на новыя поля —
На мѣсто нечисти придетъ въ пустую душу
Сама владычица времянь — земля...

Александръ Флитъ.

Я МИНИСТРЪ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Я хорошенъко не помню, какъ это случилось. Я не вель ни съ кѣмъ переговоровъ, ни къ кому не обращался, но, когда меня привезли въ Зимній дворецъ, я сразу почувствовалъ, чѣмъ это можетъ кончиться.

«Бывали случаи, когда люди попадали въ министры, — подумалъ я, — и все-таки оставались живы. Въ концѣ концовъ здоровый организмъ побѣждаетъ».

Поэтому на вопросъ о принятіи поста я отвѣтилъ довольно спокойно.

— Согласенъ.

Потомъ вспомнилъ, какъ это говорится официально, и даже добавилъ.

— Согласенъ въ отѣздъ. Разстояніемъ не стѣсняюсь. Адресъ въ редакціи.

— Помните, — предупредилъ меня замѣститель председателя совѣта министровъ, — что здѣсь дѣло идетъ не о домовомъ комитетѣ, а о министерствѣ, къ этому нужно отнестись серьезнѣе.

— Отнесся, — спокойно отвѣтилъ я, — дѣтей у меня нѣтъ, плакать некому. Завѣщаніе у нотариуса.

— Можетъ быть, у васъ есть любимая дѣвушка...

— Есть. Можетъ быть, и для нея имѣется подходящій портфель?

— Я не объ этомъ. Предупредите ее, что...

— Предупреждена. Она давно уже догадывалась, что моя жизнь должна кончиться трагически. Больше вопросовъ не имѣете?

Онъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Значитъ, согласны?

— Вполнѣ. Я уже успѣлъ присмотреться къ себѣ и думаю, что изъ меня выйдетъ не совсѣмъ плохой министръ.

Онъ пожалъ мнѣ руку, и въ дрожаніи его руки я почувствовалъ глухую боль и нѣжное сочувствіе. Повидимому, этотъ человекъ уже успѣлъ написать завѣщаніе и ему хотѣлось умереть на людяхъ.

На другой день я собралъ журналистовъ. Многие изъ нихъ еще недавно были моими товарищами по профессіи, поэтому изъ приемной, когда они собрались, я услышалъ въ замочную скважину такой приблизительно разговоръ:

— Вотъ хамъ-то... Еще недавно со мной вмѣстѣ по-нораръ получалъ, а теперь — министр... Нужно будетъ съ нимъ пофамиллярнѣе разговаривать, а то зазнается.

— Нѣтъ ли у насъ кого-нибудь, кто бы съ нимъ на ты былъ, — находчиво предложилъ чей-то голосъ, — здорово было бы... Онъ выйдетъ, а ему на ты...

— Я могу, — быстро согласился другой голосъ, — я съ нимъ какъ-то пилъ вмѣстѣ. Сдѣлаю видъ, что на брудершафтъ съ нимъ...

— А я его по плечу похлопаю: «Какъ, братецъ, насчетъ новосведеній?» Здорово?

Для меня этого было достаточно. Я велѣлъ курьеру сказать имъ, что еще съ полчаса я буду занятъ, а пока пусть мнѣ принесутъ кофе, завтракъ и граммофонъ изъ сосѣдней квартиры. Пластинки, чтобы были попроче: пусть и журналисты послушаютъ.

— Кажется, этотъ хамъ, — обиженно сказалъ одинъ изъ журналистовъ, при первомъ же цыганскомъ романсѣ, — собирается слушать музыку, а мы тутъ должны дожидаться... Предлагаю уйти.

Этотъ человекъ былъ на жалованьѣ, но другіе были на построчныхъ, и уходъ не состоялся.

Я выждалъ еще полчаса и послалъ курьера сказать имъ, что прошу подождать еще, такъ какъ говорю по прямому проводу съ Урагуемъ, только что объявившимъ войну Германіи. Поговорю еще немного съ Парагуемъ, Гваделупой, Мартиникой, и тогда къ ихъ услугамъ.

— Вы знаете, — сокрушенно сказалъ одинъ изъ журналистовъ, — а въ этомъ есть что-то столыпинское. Большое, министерское. Урагвай, Парагвай...

— И все по прямому проводу. Другой бы министръ заказными письмами, а онъ прямо...

— Голова. Я его давно знаю. Онъ давно уже такъ.

Медленно, но вѣрно мои шансы стали подниматься. Я надѣлъ широкій форменный сюртукъ чужого вѣдомства, прицѣпилъ шпоры, нацѣпилъ большую медаль, кажется, похвальную съ какой-то выставки, и, сурово покашлявъ за дверью, вышелъ въ приемную.

При моемъ появленіи всѣ почтительно встали. Остался сидѣть только тотъ, который хотѣлъ меня похлопать по плечу.

— Вотъ видите, голубчикъ, — строго, но ласково обратился я къ нему. — Вотъ господа журналисты, когда я вошелъ, встали, а вы, простой сторожъ, сидите. Сегодня же я замѣню васъ другимъ.

— Я тоже журналистъ, — робко началъ онъ, — съ ними пришелъ...

— Все равно рассчитаю, — не слушая, крикнулъ я, — не потерплю...

Не давая опомниться, я мягкимъ басомъ обратился къ представителямъ печати.

— Печать это шестая держава. Да-съ. Привѣтствую. Печать это — сила. Да, сила. И имѣя эту силу, я не позволю, господа, чтобы вы ни говорили... Не позволю-съ...

Рис. Н. Смирнова.



Рѣзкій ударъ кулакомъ по столу, поставилъ точку на і. Многие поблѣднѣли, кромѣ стучавшаго. Нужно ли добавлять, что это былъ я.

Послѣ этого мы стали разговаривать. Въ краткихъ словахъ я объяснилъ имъ, что я не допущу и не позволю. Что — это я не зналъ и самъ, такъ какъ подготовиться не успѣлъ, но когда всѣ расходились въ почтительномъ молчаніи, за дверьми я услышалъ радостный полось:

— Это власть... Вотъ это министр...

Къ вечеру я велѣлъ арестовать редактора кулинарнаго журнала и секретаря брачной газеты, провести ихъ по городу подъ конвоемъ спѣшенныхъ драгунъ и съ барабаннымъ боемъ. На другой день даже та газета, сотрудникъ которой уже шесть разъ увѣрялъ въ печати, что я ежедневно получаю денежные пакеты изъ Берлина, помѣстила мой портретъ и хвалебный отзывъ обо мнѣ.

«Повидимому, власть въ твердыхъ рукахъ, — писала газета, — поощримте же новаго министра...»

Правда, двумя столбцами дальше, газета уже по привычкѣ извѣщала, что я бывший клубный шулеръ и воръ въ поѣздахъ прямого сообщенія, но даже и это указывалось, какъ неоспоримыя достоинства человѣка твердой власти.

Черезъ два дня у меня былъ приемъ представителей заводчиковъ и фабрикантовъ.

— Мы закрываемъ фабрики, — предупредили они, — прибыль наша упала...

— Не позволю! — закричалъ я. — Не позволю прибыли падать!

— Ну, конечно, — сочувственно отнеслись они, — развѣ же можно.

— Никогда! — грозно подтвердилъ я, — если вы получали въ мирное время тридцать процентовъ прибыли, допустить, чтобы въ военное время вы получали меньше?! Никогда! Не позволю...

— Мы получаемъ триста, — робко сказалъ одинъ изъ нихъ...

— Никакихъ разговоровъ, — истерически закричалъ я, — я не позволю обижать промышленниковъ! Тридцать процентовъ прибыли и никакихъ! Я открываю ваши фабрики! Вы обеспечены тридцатью процентами! Всего хорошаго...

— Ну, знаете, — услышалъ я, — съ этимъ не поговоришь... Вотъ тебѣ и напоролись... Говорилъ я, что не нужно о шестистахъ процентахъ хлопотать...

Фабрики весело заработали. Фабриканты искренно и настойчиво считали меня грабителемъ. Для того, чтобы имъ не было обидно, я послалъ имъ предложеніе сдать всѣ фабрики государству и получать свои тридцать процентовъ безъ хлопотъ. Они быстро отказались.

Черезъ нѣкоторое время у меня были рабочіе.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — прямо началъ я, — и я всецѣло на вашей сторонѣ. Я этого не допущу. Я этого не позволю. Я не позволю проклятой буржуазіи издѣваться надъ вами!..

— Правильно, вѣрно, — согласились делегаты.

— Доводить заработокъ простого молотобойца до двухъ тысячъ въ мѣсяць и оставлять солдата получать пять рублей, офицера полтора, а интеллигентнаго труженика заставлятъ голодать, — о, это можетъ сдѣлать только преступная буржуазія... Я ее скручу въ бараній рогъ, я ей не позволю... Я не допущу...

— Да ужъ пьютъ они кровушку, — подозрительно посмотрѣвъ на меня, сказалъ одинъ изъ делегатовъ.

— Будетъ, — мрачно добавилъ я, — попили. Стариковъ-то изъ арміи демобилизуютъ, такъ я ихъ на заводы и посажу. Намаются оин на войнѣ, потрепались тамъ, съ удовольствіемъ у станковъ работать будутъ...

Делегаты ушли нехотя.

— Кто этого чорта пустилъ на министерское мѣсто, — совѣщались они въ прихожей, — нужно присмотрѣтъ за нимъ...

Тогда одна за другой стали появляться въ моей приемной различныя делегаціи. Положа руку на сердце, могу сказать, что ни одной изъ нихъ я не отказалъ ни въ одной просьбѣ.

— Увы, нашу землю хотятъ отнять, — грустно сказали мнѣ крупныя землевладѣльцы.

— Не допущу, не позволю, — вѣжливо, но твердо заявилъ я, — я врагъ всякихъ захватовъ и передѣловъ. Весной нужно засѣять всю землю, и каждый будетъ обрабатывать свою. Россіи нуженъ хлѣбъ, и я не позволю, чтобы хоть одинъ клочекъ остался незасѣяннымъ. Надѣюсь, графъ, вы

сумѣете засѣять свой клочекъ въ тридцать тысячъ десятинъ своимъ семействомъ...

— Увы... Если даже я заставлю работать бонну и учителя музыки...

— Никакихъ разговоровъ, графъ. Земля должна быть засѣяна владѣльцами... Я врагъ всякихъ захватовъ, конфискацій...

— Я могу, впрочемъ, — подумавъ, отвѣчалъ графъ, — тысячь пять десятинъ отдать добрымъ мужичкамъ...

— Значитъ, ваше сіятельство надѣется, что остальные двадцать пять тысячъ онъ сможетъ самъ... Не допущу ни одного не засѣянаго...

Делегация вышла изъ моей комнаты для того, чтобы не возвращаться. Ее смѣнила делегация финляндцевъ.

— Республику? — мягко спросилъ я. — Полное отдѣленіе?

— Та, — подтвердили финны.

— Разрѣшаю. Но если кто-нибудь попробуетъ вмѣшаться въ ваши дѣла, нарушать вашу, однимъ словомъ самостоятельность, — не допущу. Все свое у Финляндіи!

— Се, — согласились финны.

— Сегодня же запрещу нашимъ властямъ лѣзть къ Финляндіи! Ни одного лишняго человѣка изъ Россіи, ни одного вагона съ хлѣбомъ въ Финляндію...

— А сто кусать? — осторожно спросили финны.

— Все свое! Не позволю! Россія не должна лѣзть со своимъ хлѣбомъ! Не допущу. Прощайте!

По вопросу о войнѣ, я сказалъ, что тоже не допущу.

— Разъ наша армія горитъ желаньемъ еще трехлѣтней войны, разъ наши желѣзныя дороги образецъ порядка и провозоспособности, разъ каждый мѣсяць войны, — наше побѣдоносное шествіе...

— Виноватъ, — остановилъ меня одинъ изъ министровъ, — вы это наизусть, или по газетамъ? Я, лично, что-то давно не читалъ по этому поводу такихъ утѣшительныхъ извѣстій...

— Значитъ, это не такъ? Тогда... Тогда...

Вы понимаете, что я сказалъ тогда по поводу войны еще годика на два, на три.

Въ короткое время я сдѣлался любимымъ министромъ.

Почему до сихъ поръ не догадались предложить мнѣ министерскаго портфеля?

Аркадій Буховъ.

Б Л И З О К Ъ С Р О К Ъ .

Новыхъ череда испытаній
Злобно встаетъ въ темнотѣ;
Пусть до конца не устанетъ
Вѣрный прекрасной мечтѣ!

Пусть равнодушіе наше
Дропнетъ, понявши урокъ —
Еще не исполнена чаша,
Но приближается срокъ.

День приближается грозный,
День униженій раба,
Когда безвозвратное: «поздно»
Намъ отчеканитъ судьба.

Отъ паршихъ соратниковъ нашихъ
Горькій услышимъ упрекъ!
Еще не исполнена чаша,
Но приближается срокъ.

Владиміръ Пруссакъ.





ДЪЛЕЦЪ НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ.

Она. — Ахъ, какой воздухъ! Ты слышишь, съ моря доносится запахъ соли и іода!..

Онъ: — О, да! И замѣть, что и соль и іодъ доставляются вѣтромъ франко берегъ!

ВЪ УСТЬѢ.

Тамъ темнѣли соборныя двери,
Доносились звуки моленій,
И яркимъ свѣтомъ горѣли
Потоки широкихъ ступеней.

Въ окнахъ малиновой пѣной
Клубился закатный туманъ,
За день нагрѣтыя стѣны,
Всѣ въ крови отъ небесныхъ ранъ. —

Смѣшали свои узоры...
Кто-то, темный, лампы задулъ,
Затихали соборныя хоры,
Проносился послѣдній гулъ.

Всколыхнулись перистыя волны,
И забили въ гранитныя стѣны;
Заскакали на пристани челны,
Проревѣла вдали сирена.

А края были мрачно-кровавы,
Все безумнѣй горѣла ступень,
И пылали соборныя главы.
Завтра будетъ вѣтряный день...

ВЪ ПОТЪ ЛИЦА...

— Если кто сейчасъ въ Россіи и работаетъ, такъ это — Балтійскій флотъ.

— То есть?

— Понятно! Цѣлый день матросы заняты: первую половину дня выносятъ резолюціи, вторую половину дня убиваютъ своихъ офицеровъ.

— Товарищи! первое революціонное правило: организуйтесь! Въ организациіи сила!

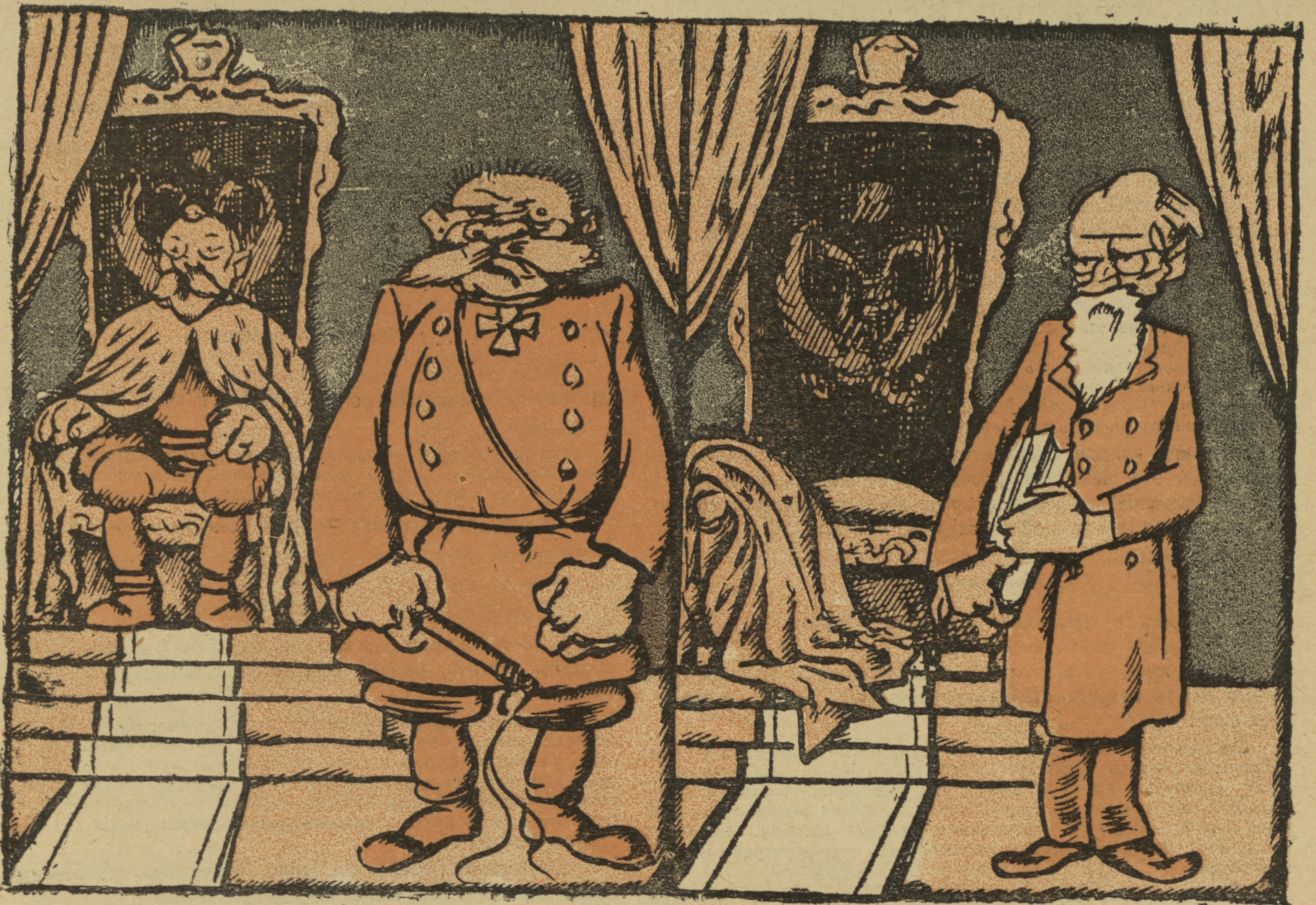
Скептикъ (съ мѣста): — Старо! это правило еще брынскіе и муромскіе разбойники твердо помнили.

— То есть?

— Да очень просто: у насъ только для того и организуются, чтобы прижимать и грабить.

— Товарищъ! Вы пораженецъ или оборонецъ?

— Пораженецъ. Я каждый день поражаюсь, сколько у насъ въ Россіи идиотовъ!



До — марта 1917.

Съ царемъ на тронѣ, безъ царя въ головѣ.

Мартъ.

Безъ царя на тронѣ, съ царемъ въ головѣ.



Апрѣль — Октябрь.

Безъ царя на тронѣ, безъ царя въ головѣ.

Октябрь — и дальше.

Четвертую комбинацію мы еще не можемъ отгадать.
Жутко отгадывать.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Тайна комиссариата.

Раньше было очень скверно, когда кого-нибудь брали въ участокъ. Двумя часами позже своего появленія, избитый, конечно, могъ доказать свою невиновность, но это утѣшеніе было довольно плохимъ бальзамомъ для ранъ и увѣчій.

Теперь, наоборотъ, когда кого-нибудь приводятъ въ комиссариатъ, его коренному населенію приходится быстро раскаиваться въ этомъ поступкѣ.

Такъ, „Русская Воля“ рассказываетъ:

Вчера вечеромъ на выходившаго изъ кофейной по Лиговкѣ, № 63, Аннохина напало шесть неизвѣстныхъ и, схвативъ его за горло, дочиста обобрали. Двое изъ грабителей задержаны милиціонерами. Въ комиссариатъ одинъ изъ грабителей учинилъ буйство — выбилъ стекла въ окнахъ, избилъ одного изъ милиціонеровъ, а старшему милиціонеру Озолину разбилъ голову массивной чернильницей. Пострадавшій отправленъ въ Маріинскую больницу.

Конечно, каждый развлекается письменными принадлежностями какъ это находить удобнымъ, но можно ли поручать охрану населенія людямъ, которые должны молиться только, чтобы ихъ самихъ не побили жулики и буйны.

Сила непоборимая.

У какихъ-то наглешовъ подымается языкъ говорить о томъ, что нашъ флотъ не силенъ.

Что можетъ быть страшнѣе нашего боевого корабля, если только одинъ матросъ съ него представляетъ такую чудовищную силу:

Въ Мглинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Бѣлогошѣ (Черниговской губ.), прѣхавшій матросъ тральщика „Пламя“ самовольно запретилъ заготовку и вывозку дровъ и шпалъ изъ лѣса, принадлежащаго члену исполнительнаго комитета Равичу для строящейся желѣзнодорожной линіи Орша — Ворожба. Начальникъ уѣздной милиціи безсиленъ; рубка лѣса разрѣшена лѣсоохранительнымъ и землеустроительнымъ комитетами.

Говорятъ, что море воспитываетъ характеръ. И все-таки оно довольно плохой педагогъ, если иногда доканчивать это воспитаніе приходится арестантскому отдѣленію.

Доисторическая экономика.

Если мы еще не ходимъ въ шкурахъ звѣриныхъ, то очевидно, только потому, что мѣха въ этомъ году дороги и не всякому по карману.

А въ остальномъ доисторическое время охотно замѣнило у насъ двадцатый вѣкъ.

Въ Крыму возродилась мѣновая торговля. Феодоссійская продовольственная управа вымѣняла у севастопольской пять тысячъ пудовъ нефти, выдавъ взаменъ на 60.000 рублей табаку.

Не нужно удивляться, если изъ Феодосіи отправятъ въ Севастополь пять гласныхъ, привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ съ купчими крѣпостями въ рукахъ.

Назадъ идти, такъ назадъ.

Справка.

Къ свѣдѣнію министерства финансовъ:

На Сахалинѣ китайцы платятъ за нашъ рубль 11 коп. На Сахалинѣ вообще нѣтъ русскихъ денегъ, и администрація сплошь и рядомъ пользуется китайскими бонами въ 5 и 10 коп., которыя замѣняютъ русскую мелочь. Въ Благовѣщенскѣ китайскія лавки охотно берутъ вмѣсто русскихъ денегъ китайскія боны.

Единственно, кто, навѣрное, огорченъ больше всего, такъ это фальшивомонетки, отбывающіе наказаніе на Сахалинѣ. Видѣть такое обезцѣненіе трудовъ рукъ своихъ — и ничего не дѣлать...

Свидѣтельство о благонадежности.

Какъ сообщаютъ газеты:

Въ Феодосіи волненія и массовыя обыски прекращены. Возстановилось спокойствіе. На многихъ магазинахъ красуются ярлыки „Обыскано“.

Какъ легко однимъ простымъ и ласковымъ словомъ возстановить репутацію цѣлаго учрежденія!

Рис. В. Лесбедева.



Сарынь на кичку.

Крайности сходятся.

Всего смѣшнѣе, когда человекъ самъ надъ собою смѣется... Отрывокъ изъ журнала „Солдатъ-Гражданинъ“:

Разговариваютъ двое. Одинъ проситъ другого объяснить, что значитъ слово буржуй.

— Какъ, развѣ ты не знаешь? — отвѣчаетъ спрашиваемый. — Это человекъ, который пьетъ, ѣстъ, спитъ и ничего не дѣлаетъ.

— Такъ это же солдатъ! — восклицаетъ первый.

Слушатели этого анекдота обычно весело хохотутъ, — солдата „поддѣли“.

Дѣйствительно смѣшно, чортъ его подери: ротъ до ушей, а на глазахъ слезы...

Дурацкій аккордъ.

Послѣ закрытія демократическаго совѣщанія социалистическія газеты высказались о немъ точно и ясно.

„День“:

Демократическое совѣщаніе закончилось какой-то какофоніей, какъ оркестръ, оставшійся безъ дирижера. Пагетическая симфонія оборвалась на какомъ-то дурацкомъ балалаечномъ аккордѣ.

Не даромъ балалайка — нашъ самый народный инструментъ.

Шутка.

Если пожарный возьметъ на себя ампула Марка Твена и начнетъ шутить, ничего отъ этого хорошаго получиться не можетъ.

Въ харьковскомъ городскомъ театрѣ, когда спектакль былъ въ полномъ разгарѣ, въ зрительный залъ ворвалось нѣсколько пожарныхъ въ полной формѣ и стали трубить пожарную тревогу. Публика стала давить другъ друга. Исполнители на сценѣ начали перепрыгивать въ зрительный залъ. Увидя суматоху, пожарные сообщили, что никакого пожара нѣтъ и тревога является пропагандой для покупки „Займа Свободы“.

Если вообще требуется, чтобы пропаганда произвела сильное впечатлѣніе, то, конечно, пожарные этого добились.

Маскарадъ подходитъ къ концу...

Выяснилось, что:

Горьковская „Новая Жизнь“ имѣетъ общихъ сотрудниковъ съ германской газетой „Vossische Zeitung“.

Ну, конечно. А иначе позиція, которую заняла „Новая Жизнь“ по отношенію нашихъ союзниковъ, была бы сплошной глупостью.

А такъ — хоть логика есть.

Rossica.

Пикантное сопоставленіе:

Въ Тамбовѣ предсѣдателемъ мѣстнаго совѣта р. и с. д. избранъ былъ нѣкій Голошаповъ, но затѣмъ мѣстныя судебныя власти обнаружили, что Голошаповъ является бѣглымъ каторжникомъ, совершившимъ 22 убійства.

Между прочимъ Голошаповъ убилъ рядъ свидѣтелей по одному изъ своихъ дѣлъ.

Когда все это вскрылось, Голошаповъ заявилъ совѣту, что онъ дѣйствительно судился за убійства, но совершилъ ихъ съ политической цѣлью. Совѣтъ сталъ было на сторону Голошапова и воспротивился его аресту.

А на казачьемъ совѣщаніи сотникъ Гавриловъ сообщилъ:

Правительство отказываетъ въ ассигнованіи пяти тысячъ рублей на организацію казачьяго съѣзда, между тѣмъ какъ совѣту р. и с. депутатовъ выдаются десятки милліоновъ.

Вотъ чего мы не знали, такъ не знали.

Мы, признаться, думали, что С. Р. и С. Д. работаетъ идейно, просто изъ-за прекрасныхъ глазъ россійской революціи.

Такимъ образомъ, совѣтскій большевизмъ поддерживается ассигновками того самаго Правительства, которое большевики и „взрываютъ“.

О, Россія! Велика ты, Федора...

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Мустику. — Стихи:

„Дни теперь летать, какъ птицы
Прямо хоть не умирай,
Вдвое жить теперь хочется —
Ну, не жизнь, а прямо рай!“

Отрывокъ изъ препровод. письма: „Я считаю „Сатириконъ“ своимъ духовнымъ отцомъ.“

Нечего сказать: сына Богъ послалъ — родителямъ на угѣшеніе. Не было печали.

Кирочн., 16 А. Б. К. — Этотъ А. Б. К. твердо рѣшилъ поразить наше воображеніе своими остротами:

„— А моя жена уже разрѣшила земельный вопросъ.
— Какъ такъ?
— Бьетъ меня по головѣ цвѣточнымъ горшкомъ съ землей!..
Слѣдствіе этого разрѣшенія земельного вопроса — вышеупомянутая острота. Прощайте, небоже.“

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко:

Подходцевъ и двое другихъ.

Цѣна 3 руб.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 2 руб.

О маленькихъ—для большихъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 2 руб.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 2 руб.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Цѣна 2 руб.

Караси и щуки.

Цѣна 75 коп.

Тэффи:

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 2 руб.

Аркадій Буховъ:

Чортово колесо.

Цѣна 1 р. 50 к.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Тихія непріятности.

Цѣна 2 р. 50 к.

Юрій Слезкинъ.

Повѣсти о странностяхъ любви.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВАЖНО ВСѢМЪ, КТО НЕ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Справочное и комиссіонное бюро „ПОСРЕДНИЧЕСТВО“ выполняетъ въ Петроградѣ всевозможнаго рода порученія частнаго характера. Быстрое наведеніе справокъ по всѣмъ вопросамъ во всѣхъ вѣдомствахъ, учрежденіяхъ, заведеніяхъ и управленіяхъ гор. Петрограда.

Пишите: Петроградъ, Владимірскій пр., д. № 18, „Посредничество“.

СПРАВКИ О ПРОПАВШИХЪ БЕЗЪ ВѢСТИ

плѣнныхъ, бѣженцахъ, убитыхъ и раненыхъ быстро наводитъ справочное и комиссіонное бюро „ПОСРЕДНИЧЕСТВО“. Пишите возможно подробнѣе по адресу: Петроградъ, Владимірскій пр., д. № 18, „Посредничество“.

Стоимость справки 3 р. 50 к. уплатите послѣ полученія справки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

5-й годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ 1-го Октября по 1-е Января 1918 года по 2 рубля за каждый мѣсяць.

Подписка на журналъ до Октября по 1 р. 50 коп. въ мѣсяць.

ЦѢНА за объявленія — непарель строка 2 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.



Н Е У С Т Р А Ш И М Ы Й.

Для предупреждения жителей Петрограда
въ случаѣ налетовъ цетелиновъ будутъ
всюду потушены огни, и загудятъ сирены.

— Удивительно! И огни уже здѣсь потушены и сирена гудитъ около меня, а мнѣ все-таки не страшно!..